

Е.Иванова
Один из "темных" визитеров

Date: 29 апреля 2008
Изд: "Прометей". Т. 12, М., "Молодая гвардия", 1980.

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

Е.ИВАНОВА

Один из "темных" визитеров

20 июля 1907 года в дневнике Толстого появляется запись: "Единственное средство доказательства того, что это учение дает благо, это -- то, чтобы жить по нем, как живет Добролюбов"¹. Можно с уверенностью сказать, что очень немногие корреспонденты и визитеры Ясной Поляны удостоивались подобной оценки. Кем же был этот человек, заслуживший благосклонное внимание Толстого?

Начинается биография Добролюбова в среде далекой и даже враждебной Толстому -- среде зарождающегося русского символизма. Для этого литературного течения он также был авторитетом. Но чтобы найти источник этого авторитета, не обязательно обращаться к творчеству Добролюбова. "Личная его биография гораздо интереснее литературной его деятельности" -- категорически сформулировано в редакционной заметке из венгеровской "Русской литературы XX века". Добролюбов-поэт стал жертвой собственной биографии. Жертвой потому, что даже среди символистов мало кто, кроме В. Брюсова, И. Ореуса-Коневского и отчасти А. Белого, обнаружил действительное знакомство с его стихами. Точно по молчаливой договоренности ему было навсегда отказано в праве быть поэтом.

Основания к этому были. И дело здесь не в том, что стихи Добролюбова слабы, а в колоритности его поступков, на фоне которых стихи меркли. В 1895 году он издает свой первый сборник стихов "Natura naturas. Natura naturata". К этому времени его имя в узком кругу символистских читателей уже прочно окутано ореолом легенд. Поэтому к книге обращаются только за подтверждением уже сложившегося представления. Стихи единодушно признаются "странными", "нечитаемыми", а по существу, остаются просто непрочитанными. Замысловатые претензии автора -- пустые страницы, странное посвящение -- служат удачной мишенью для критических стрел.

Между 1898 и 1899 годами Добролюбов оставляет декадентство и уходит странствовать, скитаясь сначала по монастырям, позднее среди сектантов. Его имя сразу обрастает новыми легендами, и второй сборник -- "Собрание стихов" (М., "Скорпион", 1900 г.) -- встречается читателем как "стихи того самого" Добролюбова, который "ушел". Третий сборник -- "Из книги невидимой" (М., "Весы", 1905 г.) -- воспринимается с новым оттенком: вот, дескать, каких богатырей духа вырастило русское декадентство. Так, загипнотизированные биографией, символисты прошли мимо его творчества.

Между тем даже творчество раннего Добролюбова заслуживает, наконец, прочтения. И здесь мы находим неожиданные точки соприкосновения Добролюбова с Толстым, своего рода предысторию к их отношениям в 900-е годы: ведь творчество Добролюбова 90-х годов воплощает в концентрированном виде все то, за что обличает Толстой современное искусство, и, в частности, декадентство, в трактате "Что такое искусство". Именно в работе Толстого мы находим ответ на вопрос, почему Добролюбов остается поэтом без читателя. Попытаемся это показать.

Все, кто проявлял интерес к Добролюбову, обращали внимание на единство, существовавшее между идеями, которые он исповедовал, и жизнью. Увлечшись декадентством, Добролюбов, по словам Н. Минского, "не только писал на декадентские темы, но и устраивал свою жизнь по-декадентски, и это соответствие слова с делом сразу окружило его ореолом, поставило выше всех писателей, которые, к какой бы школе ни принадлежали в литературе, в жизни ничем не отличались друг от друга"². Не менее самозабвенно отдавался Добролюбов проповедничеству сектантского периода и не менее ревностно устраивал свою жизнь по-сектантски.

В 90-е годы декадентство стало для Добролюбова своеобразной религией. По воспоминаниям современников, в то время он, "не щадя себя, верный своей вере, курил и ел опий, курил гашиш, склоняя к этому и других в своей узенькой комнатке на Пантелеймоновской, оклеенной черными обоями, с потолком, выкрашенным в серый цвет"³. Под стать этому было и поведение Добролюбова. В обществе он говорил "намеренную чепуху, садился посреди комнаты на пол"⁴. "Письма он писал дикие, ни на что не